

Два плюс один

Гоча Пасиешвили

Гоча Пасиешвили

Два плюс один

«Автор»

2026

Пасиешвили Г. А.

Два плюс один / Г. А. Пасиешвили — «Автор», 2026

«Два плюс один» это роман о первой школьной любви, которая не вписывается в привычные рамки. Семнадцатилетняя Лина выросла в тихом новозеландском Крайсчерче с двумя лучшими друзьями. Макс громкий, весёлый, душа компании. Диего тихий, умный, мечтающий о звёздах. Она любит их обоих. По-настоящему. По-разному. Но мир требует выбора. Школа шепчется. Родители давят. Даже лучшие подруги не понимают, как можно любить двоих одновременно. А Лина не хочет выбирать потому что потерять одного из них значит потерять часть себя. Когда в городе появляется старый друг семьи, случайный свидетель её истории, Лина понимает: правда страшнее лжи. Но именно правда может спасти их троих. Эта книга не про то, как выбрать «того самого». Она про смелость не врать. Про смелость быть собой, даже если ты не такой, как все. И про то, что любовь не всегда укладывается в формулы «или или». Иногда она решается сложением.

© Пасиешвили Г. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Гоча Пасиешвили

Два плюс один

Глава

1. Крайсчерч, апрель

Самолёт садится в Крайсчерче в семь утра по местному. За иллюминатором — зелень, холмы, и над всем этим небо такое синее, будто его нарисовали ребёнку в раскраске. Я не спал восемнадцать часов, но адреналин гонит кровь. Друг молодости, с которым мы не виделись пять лет, встретит меня в аэропорту. Мы будем пить пиво, вспоминать дурацкие истории и делать вид, что жизнь не прошла между нами огромной трещиной.

Майк (назовём его так — в Новой Зеландии без английского имени никак) ждёт у выхода. Он почти не изменился: такие же широкие плечи, только в волосах седина и морщины вокруг глаз. Обнимаемся. От него пахнет кофе и дождём.

— Ты вовремя, — говорит он. — У нас тут как раз начинается драма.

Я смеюсь. Думаю, он шутит.

Он не шутит.

Мы едем в его дом на окраине Крайсчерча. Город после землетрясения ещё не совсем оправился: кое-где пустыри, строительные краны, но жизнь идёт. Люди в кафе, дети на скейтах, старухи с тележками. Майк рассказывает про работу, про переезды, про то, что развёлся два года назад. Я слушаю вполуха, потому что смотрю по сторонам. Новая Зеландия оказалась именно такой, как на картинках: зелёной, спокойной, почти игрушечной.

— Лина в школе, — говорит Майк, когда мы паркуемся у его дома. — Вернётся часа через три. Ты её почти не помнишь, ей тогда было двенадцать.

— Помню. Худенькая, с косичками.

— Уже не с косичками. И не худенькая. И вообще... — он мнёт ключи в руке. — Слушай, ты же писатель. Ты понимаешь в людях.

Я не писатель. Я копирайтер в маленьком агентстве, но Майк всегда думал, что я гений. Я не спорю.

— У неё что-то случилось? — спрашиваю.

Майк вздыхает. Смотрит на дом. Обычный такой дом, с палисадником и верандой.

— У неё двое друзей. Макс и Диего. Мальчишки, с которыми она выросла. И она... — он подбирает слово. — Она их обоих любит. Не как подруг. Я видел, как она на них смотрит.

Я молчу. Потому что не знаю, что сказать.

— Она ещё не говорила им, — продолжает Майк. — Но скоро скажет. Я чувствую. И я боюсь, что это всё разобьёт.

Мы заходим в дом. Я ставлю чемодан в гостевой комнате, выхожу на веранду. Вид на холмы, на чью-то овчарку, бегущую за мячом. Апрель в Новой Зеландии — это осень. Листья уже желтеют, но воздух тёплый.

— Ты хочешь, чтобы я с ней поговорил? — спрашиваю.

— Нет. Просто... — Майк садится в кресло-качалку. — Просто будь здесь. Смотри. Может, ты увидишь то, чего не вижу я.

Я киваю. Ещё не зная, что через несколько недель я буду сидеть за столом и записывать каждую деталь этой истории. Не как писатель. Как свидетель.

Лина приходит в три пятнадцать.

Я слышу сначала шаги — быстрые, лёгкие. Потом дверь хлопает, и в коридоре появляется девушка. Семнадцать лет. Длинные тёмные волосы, собранные в хвост, джинсы с потёр-

тостями, толстовка с капюшоном. Она не замечает меня сначала — кидает рюкзак на диван, кричит отцу: «Пап, я сегодня к Диего, у него телескоп, можно?»

Потом видит меня. Замирает.

— Ой. Здравствуйте.

— Привет, — говорю я. — Я Алексей, друг твоего отца. Мы виделись, когда тебе было...

— Я помню, — перебивает она. Улыбается. У неё хорошая улыбка — открытая, но с намёком на то, что она прячет что-то важное. — Вы привезли мне тогда шоколад из Белгорода.

— Точно. «Славянку».

— Я её до сих пор помню, — она садится напротив, поджимает ноги. — А вы надолго?

— На месяц.

Она кивает. И я вижу, как её взгляд уходит куда-то в сторону. К телефону, который только что завибрировал. Она смотрит на экран, и её лицо меняется: становится мягче, но одновременно тревожнее.

— От Макса? — спрашивает Майк, входя с чаем.

— От обоих, — тихо говорит Лина. — Они спрашивают, с кем я сегодня.

Майк и я переглядываемся. Лина замечает это.

— Что? — спрашивает она резче. — Что вы на меня смотрите?

— Ничего, — говорю я первым. — Просто я когда-то тоже не мог выбрать между двумя.

Она замирает. Смотрит на меня в упор.

— И что вы выбрали?

Я пожимаю плечами.

— Никого. И пожалел.

Лина молчит. Потом встаёт, забирает телефон и говорит:

— Я к Диего. Скажу Максиму, что в другой раз.

Она уходит. Дверь за ней закрывается. Майк наливает мне чай.

— Ты видел? — спрашивает он.

— Видел, — отвечаю я. — Она ещё не знает, что хочет. Но скоро узнает.

За окном садится солнце. Крайсчерч становится розовым. Где-то там, на крыше дома Диего, Лина смотрит на Юпитер. А я сижу с блокнотом и записываю первые строки.

Эта история будет не про выбор. Она будет про смелость — сказать правду даже себе.

2. Крыша, где пахнет звёздами

Майк попросил меня забрать Лину в десять вечера.

— Она не любит, когда я сам приезжаю, — сказал он, протягивая ключи от своей старой «Тойоты». — Думает, что я контролирую. А ты — нейтральный. К тому же хочешь посмотреть город.

Город я уже посмотрел. Крайсчерч вечером — это тихие улицы, свет в окнах и запах дровяных каминов. Я еду по навигатору к дому Диего. Адрес мне скинула Лина в мессенджере с одним смайликом — звездой.

Дом оказывается маленьким, с облупившейся краской и садом, который давно не знал рук садовника. На крыше — чёрный силуэт телескопа и две фигуры. Я паркуюсь, выхожу. Ворота скрипят.

— Лин? — зову тихо.

Сверху выглядывает парень. Лет семнадцати, тёмные кудри, большие глаза. Диего. Он смотрит на меня без удивления, будто ждал.

— Вы друг Майка?

— Да. Алексей.

Он кивает и машет рукой — поднимайся. Лестница ведёт на крышу через люк в гараже. Я лезу, проклиная свою аэробную форму. Наверху — дощатый настил, пара пледов, термос и Лина.

Она сидит, обхватив колени, и смотрит в окуляр телескопа. Не оборачивается.

— Это Юпитер, — говорит она. — Диего показал полосы. Они настоящие.

Я сажусь рядом. Диего опускается на плед напротив, подтягивает колени к подбородку. Он молчаливый — это видно сразу. Не из тех, кто заполняет паузы болтовнёй.

— Ты что-то хотела сказать? — спрашиваю я тихо, чтобы только Лина слышала.

Она отрывается от телескопа. Глаза блестят — то ли от ветра, то ли от слёз.

— Я сегодня хотела им сказать. Обоим. Правду.

— Не сказала?

Она качает головой.

— Я пришла к Диего. Он показал Юпитер. Мы пили чай из термоса. И он сказал: «Лин, ты сегодня молчаливая. Что-то случилось?» — она замолкает. — А я посмотрела на него и подумала: как я могу сказать ему, что люблю ещё и Макса? Это будет звучать как предательство.

Диего не слышит — он возится с окуляром, что-то настраивает. Но я замечаю, как его плечи напряжены. Может, он слышит больше, чем кажется.

— И что ты сделала? — спрашиваю.

— Сказала, что устала в школе. И попросила позвонить Максусу, чтобы он тоже пришёл.

Втроём.

Я смотрю на звёзды. Они здесь совсем другие, чем в северном полушарии. Непривычные.

— Макс приедет? — уточняю.

— Сказал, да. Через полчаса.

Я понимаю, что сейчас произойдёт. Эта крыша станет местом, где Лина либо разобьёт всё, либо начнёт строить что-то новое. Я не должен здесь быть. Но уйти уже не могу — потому что Лина вдруг хватает меня за руку.

— Оставайтесь, — шепчет она. — Пожалуйста. Мне страшно.

Я киваю. Диего поднимает голову и смотрит на нас. В его взгляде — вопрос.

— Всё нормально? — спрашивает он.

— Всё нормально, — отвечает Лина. — Просто ждём Макса.

За холмами Крайсчерча медленно гаснет последний свет. Где-то лает собака. А я сижу на крыше с двумя подростками и чувствую, как время сжимается до размера этой маленькой площадки.

Макс приезжает через двадцать минут — на скейте, с рюкзаком за плечами. Он взлетает по лестнице, не скрывая энергии. Высокий, улыбчивый, с вечно взлохмаченными волосами. От него пахнет потом и травой.

— О, а это кто? — он замечает меня. — Новый друг? Лина, ты не говорила.

— Это папин друг, — бормочет Лина. — Он просто забрать меня.

— Поздно уже, — добавляю я.

Макс пожимает мне руку — сильно, по-мужски. Потом плюхается рядом с Линой, почти вплотную.

— Ну что, звездолюбы, на что смотрим?

— Юпитер, — говорит Диего. — Но он уже заходит.

— А я принёс пиво, — Макс достаёт из рюкзака три банки. — Крафтовое. Стащил у старшего брата.

Лина смотрит на банки, потом на меня.

— Вы не скажете папе?

— Не скажу, — обещаю я.

Мы сидим вчетвером. Пьём пиво. Смотрим, как звёзды медленно плывут по небу. И я вижу, как Лина сжимает свою банку так, что она почти проминается. Она молчит. Макс и Диего тоже молчат — каждый по своей причине.

Я чувствую: сейчас. Сейчас она скажет.

Но вместо этого Лина встаёт.

— Мне пора, — говорит она. — Алексей, отвезите меня домой.

Макс и Диего переглядываются. Никто не возражает. Она спускается первой, не оглядываясь. Я за ней.

В машине она молчит всю дорогу. А у дома, перед тем как выйти, говорит:

— Я трусиха.

— Нет, — отвечаю я. — Ты просто не готова. Это разные вещи.

Она смотрит на меня долго. Потом кивает и уходит в дом.

Я остаюсь в машине. Завожу двигатель и еду в ночной Крайсчерч. В зеркале заднего вида — дом Диего и две фигуры на крыше. Макс и Диего остались вдвоём. О чём они говорят без неё?

Я никогда не узнаю. Но история только начинается.

3. Утро, в котором сообщения не ждут

Я проснулся от запаха кофе и тостов. Майк стоял у плиты в растянутой футболке и что-то напевал себе под нос. За окном серый рассвет — в Крайсчерче апрельские утра не торопятся светлеть.

— Доброе, — сказал он, кивая на чашку. — Лина ещё спит. Не буди, она поздно легла.

Я кивнул. Но мы оба знали, что её телефон уже гудит.

Я сел за стол и невольно бросил взгляд на коридор, где в комнате Лины было тихо. Слишком тихо. Семнадцатилетние девушки так не спят — они листают ленты, отвечают на сообщения, прокручивают в голове вчерашнее.

Через десять минут дверь скрипнула.

Лина вышла в пижамных штанах и огромном свитере, с телефоном в руке. Волосы спутаны, глаза заспанные, но взгляд уже приклеен к экрану. Она плюхнулась на стул напротив меня, не поздоровавшись.

— Кофе? — спросил Майк.

— М-м-м, — ответила она, не поднимая головы.

Я пил свой кофе и наблюдал. Её лицо менялось каждые пять секунд: сначала лёгкая улыбка, потом нахмуренные брови, потом что-то похожее на страх. Палец скользил по экрану, она читала и перечитывала.

— Что там? — не выдержал я.

Лина подняла глаза. В них была растерянность.

— Макс написал в три ночи. «Ты крутая. Спокойной ночи». А Диего — в семь утра. «Ты вчера ушла слишком быстро. Всё в порядке?»

Я молчал.

— И ещё, — Лина перевернула телефон ко мне. — Макс прислал мем. Про девочку и двух котов. Где она гладит одного, а второй смотрит обиженно. И подпись: «Ты».

Я присмотрелся. Мем был глупый, но точный.

— А Диего, — продолжила она, — скинул фотографию звёздного неба, которую мы вчера снимали. И написал: «Ты пропустила падающую звезду. Я загадал желание за тебя».

Она отложила телефон на стол экраном вниз.

— Они оба ждут ответа. А я не знаю, что написать.

Майк поставил перед ней чашку с какао и тост. Сегодня он был мудро молчалив — не лез, не спрашивал. Только посмотрел на меня, и я понял: он надеется, что я что-то скажу.

— Напиши правду, — сказал я. — Напиши, что не знаешь.

Лиана криво усмехнулась.

— А если они спросят: «Чего именно ты не знаешь?»

— Тогда ответь: «Я не знаю, как любить вас обоих и не сойти с ума».

Она взяла телефон. Напечатала что-то быстро, не показывая. Поставила на беззвучный и уткнулась в какао.

— Готово, — сказала она. — Теперь жду.

Мы сидели втроем за кухонным столом. Тикали часы. Где-то за окном каркнула ворона. И в этой тишине телефон Лианы снова завибрировал.

Она не посмотрела.

— Иди в школу, — мягко сказал Майк. — Разберёшься.

Лиана кивнула, встала и ушла одеваться. А я остался допивать кофе и думать о том, как трудно быть семнадцатью — когда каждое сообщение весит тонну.

4. Разговор, который я подслушал

Я не хотел подслушивать. Честное слово.

Но дом у Майка старый, стены тонкие, а дверь в комнату Лианы была приоткрыта. Я шёл в душ мимо и услышал голоса. Остановился. Не потому, что любопытный — потому что голос Лианы дрожал.

— Пап, ты не понимаешь.

— Объясни.

Майк сидел на краю её кровати. Лиана стояла у окна, спиной к нему. В руке телефон — она всё ещё не посмотрела то утреннее сообщение.

— Я люблю их обоих, — сказала она. Не громко, не вызывающе. Просто факт. — Не так, как любят друзья. По-другому. Когда Макс обнимает меня, у меня сердце прыгает. Когда Диего смотрит на меня своим тихим взглядом, я забываю дышать.

— И что в этом плохого? — спросил Майк.

Лиана резко обернулась.

— А то, что я не могу выбрать! Все ждут, что я выберу. Подруги спрашивают: «Ну и кто?» Макс, наверное, думает, что я его. Диего — что я его. А я — ничья.

Майк молчал. Я замер за дверью.

— Знаешь, — сказал он наконец, — когда я был молодым, я тоже любил двоих.

Лиана замерла.

— Ты? — недоверчиво.

— В институте. Девушка и парень. Я не выбирал. Просто... жил с этим. А потом они устали ждать и ушли оба.

В комнате стало очень тихо. Я слышал, как Лиана села на кровать рядом с отцом.

— И что ты сделал? — спросила она шёпотом.

— Ничего. Испугался. Решил, что я ненормальный. Спрятал всё в себе. Через год встретил твою маму... — он замолчал. — И никогда ей не рассказывал. И теперь жалею.

— О чём? Что не рассказал?

— Что не попробовал тогда, в двадцать лет, быть честным. Не с ними даже — с самим собой.

Лиана всхлипнула — тихо, по-детски.

— Я боюсь, пап.

— Знаю, — он обнял её. — Но бояться — не значит быть трусихой. Трусиха — это та, кто врёт. А ты пока никому не соврала.

Я отступил от двери. Прошёл на кухню, налил воды. Руки дрожали — не от холода, от того, что я узнал в этой сцене себя двадцатилетнего. Только я тогда не нашёл отца, который сказал бы мне эти слова.

Через пять минут Лина вышла из комнаты — заплаканная, но спокойная.

— Алексей, — сказала она. — Вы меня подбросите до школы?

— Конечно, — ответил я. — Идём.

В машине она молчала. Я включил радио — местная станция играла что-то тихое. Она смотрела в окно на холмы Крайсчерча и, кажется, считала овец.

Перед школой она взялась за ручку двери, но не вышла.

— То сообщение, — сказала я. — Я всё-таки посмотрела. Это написал Диего. Он написал: «Я подожду. Сколько нужно».

Я не знал, что на это ответить.

— А Макс не написал ничего больше, — добавила она. — С тех пор как я ответила «не знаю», он молчит.

Она вышла из машины. Пошла к входу, не оглядываясь. Я смотрел ей вслед и думал: сегодня она встретит их обоих. И сегодня что-то сломается или начнётся.

5. Школьный коридор, где всё видно

Я не планировал оставаться у школы. Майк попросил заехать в магазин за хлебом и молоком. Но когда я уже разворачивался, увидел Лину в окне первого этажа.

Она стояла у стенда с объявлениями, делала вид, что читает. На самом деле — ждала.

Я припарковался поодаль. Выключил двигатель. Наверное, это странно — взрослый мужчина сидит в машине у школы и наблюдает за подростками. Но я не мог уехать. Не тогда, когда её плечи были напряжены, а руки сжимали лямки рюкзака так, будто от этого зависела жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.